

УЧИТЕЛЬ

Кузнецова А.О.

Лера – амбициозная, уверенная девочка тринадцати лет. У неё нет отца, деда, брата и вообще хоть сколь-нибудь влиятельного мужчины в окружении. Лера уже семь лет занимается танцами. Она жаждет сцены, внимания, оваций, чтобы много эмоций и шквал критики. Она готова не работать – пахать для достижения цели. Но, к сожалению, выступления у её группы случается всего раз в год, на отчётном концерте, когда зал заполнен вполовину, и то родителями. И вот в сентябре на восьмой год обучения группу Леры вновь собирают в танцевальном зале. Здесь одни девочки разных возрастов. «Старичков», как Лера, которые занимаются в этой группе с самого её набора, пятеро, а новеньких, вступивших позднее, двенадцать.

В углу зала в проёме между фортепиано и стеной стоит незнакомый мужчина. Он сразу же показался Лере очень странным. Хотя в зале жарко, он в лыжной шапке. На лице щетина. Широкие штаны держатся на старой резинке так плохо, что вот-вот упадут (чуть позднее Лера узнала, что это просто фасон такой, что кажется, будто видно нижнее бельё). К белой футболке широкими неаккуратными швами вручную пришит принт с картиной Ван Гога. На ногах вместо обуви шерстяные носки. Он высокий, сложен атлетически, очень мужественный. В какой-то растерянности он теревит край футболки. Лера вежливо поздоровалась сразу, как вошла в класс. Мужчина поднял на неё взгляд светлоглубых глаз и так тепло улыбнулся! Конечно, он поздоровался в ответ.

Через минуту в зал вошёл преподаватель. После недлинной речи в честь начала нового учебного года, он хлопнул в ладоши и торжественно произнёс: «Так как вы скоро станете старшей группой, вам надо научиться танцевать хоть немного лучше. С этого года вашим педагогом будет Владислав Владиславович Орлов». Мужчина из-за пианино вышел на середину зала и снова продемонстрировал свою обворожительную улыбку. Младшие недовольно заурчали:

преподаватель для «старшиков» означает увеличение нагрузок. «Старички» же наоборот ощутили небывалый прилив энтузиазма: преподаватель от старшей группы научит их гораздо большему, чем предыдущий учитель, будет больше выступлений, ведь старшие вечно куда-нибудь ездят, участвуют в конкурсах, а главное – побеждают в них! Лера готова была прыгать от счастья.

«Старый» преподаватель вышел, хлопнув коллегу по плечу, и Владислав Владиславович остался наедине с нетерпеливыми ребятами. Занятие прошло в небывалом темпе: всего минут семь ушло на разминку (а раньше этому посвящалась чуть не половина всего занятия), затем Орлов показал две танцевальные связки, которые были немедленно изучены. В эти связки не входили пресловутые прыжки или ползание на четвереньках. Это были настоящие комбинации, для которых требовалась растяжка. Но она была настолько плоха, что на полный шпагат садилась всего одна девочка из группы, а на поперечный – вообще никто. Последняя четверть занятия была отведена для занятий йогой. То есть, это что-то среднее между йогой и медитацией, «время, чтобы расслабиться и не думать ни о чём насущном», как объяснил Владислав Владиславович. Занятие, вместо обычных сорока минут, продлилось чуть больше часа, девочки были в восторге от нового педагога.

Он то и дело вставлял в речь сложные слова, и объяснял их значение. Иногда прерывал занятие, чтобы обсудить какие-то важные вещи, порассуждать на философские темы. Он обращался лично к каждой, выслушивал всех, кто хотел с ним поговорить и не заставлял никого делать что-то против воли. Светлый, яркий, он сам танцевал, как бог. Одно движение плавно перетекало в другое. Локти, колени и носки идеально вытянуты. А выражение лица, когда он двигался под музыку, было таким мягким и одухотворённым, что, казалось, он сейчас растворится в воздухе, улетит или превратится в спокойный

ручей. Очень часто он садился за фортепиано и играл мягкие импровизированные мелодии, которые всегда трогали душу Леры, вызывая восхищение.

Каждое занятие он показывал и рассказывал девочкам много нового, учил их танцевать, исправлял недочёты и никого не ругал. Сам Владислав Владиславович называл эти занятия «уроками вдохновения».

– Я хочу научить вас творить, чтобы вы раскрылись, как полевые цветы после дождя. Я сделаю всё возможное, чтобы вы смогли самореализоваться. Я в вас верю, – говорил он, щедро даря свои знания и добрую улыбку.

В конце года на отчётном концерте девочки показали своё лучшее, по мнению Леры, выступление за последние пять лет.

В июне началась общая физическая подготовка. Под наблюдением «старого» преподавателя, ученицы бегали кроссы, после чего шли на занятия к Владиславу Владиславовичу. За месяц они выучили три довольно длинных связки, которые легли в основу нового танца.

Лера обожала своего учителя! Она глотала каждое его слово, старалась быть лучшей в группе, чтобы слышать его похвалу, уходила с занятий позже всех, потому что хотела знать мнение преподавателя и на ту тему, и на эту, и на третью! Она хотела быть похожей на этого светлого человека, стать обладательницей такой же широкой души. Она хотела думать и дышать также как он. Лера полностью ему доверяла. Поэтому когда часть группы ворчала, что Владислав Владиславович слишком много разговаривает, и мало делает, Лера либо вступала в жаркий спор, защищая любимого учителя, либо дулась.

Понемногу, группа редела. Около половины девочек бросили танцы по тем или иным причинам. Остались лишь пятеро «старичков» и трое новеньких. Таким составом выступать гораздо легче. Новые танцы есть, и достаточно качественные. Есть и энтузиазм. Вот только выступлений не было. Второй год обучения под началом Орлова завершился очередным отчётным концертом.

В самом начале третьего года девочки сразу окружили преподавателя. «Владислав Владиславович, а когда мы

будем участвовать в конкурсах? Мы настолько плохо танцуем?»

– Нет, вы молодцы. Вы сделали большой шаг вперёд по сравнению с тем, какими вы были два года назад.

– А когда мы будем выступать хоть где-нибудь, кроме «отчётника»?

– Ну, я думал свозить вас на конкурс в Копейск, но ваши родители будут не против? А администрация? Вам же ещё документы надо будет собирать. Это может быть сложно. А добираться как будем? На автобусе? А если это для кого-то дорого? Ещё костюмы нужны, их надо шить.

И прозвучало ещё штук пять таких же «нерешаемых» проблем. Девочки всё же вытрясли из Орлова обещание поговорить с куратором, чтобы им таки позволили съездить на конкурс.

Прошло три недели. Ученицы снова окружили своего педагога с вопросами. Но поездка была отменена. В таком же духе были отодвинуты на задний план ещё два перспективных конкурса. Лера до самого конца верила, что виной всему куратор или ещё что-нибудь, но только не её учитель. Она видела его нерешительность и пришла к выводу, что его нужно подтолкнуть. Зимой, после занятия она вместе с ещё одной девочкой решила: любыми методами она узнает, в чём проблема и заставит Владислава Владиславовича действовать.

– Можно с вами поговорить? – Лера уже разработала в голове план действий.

– Конечно, Лерочка, что случилось? Кстати, ты знала, что имя Валерия пришло из Византии? – учитель присел за фортепиано, намереваясь играть.

– Да-да. А вы можете объяснить, почему мы всё же не можем поехать на конкурс? Вот хоть на «Розовый ветер» через месяц?

– Ну... – преподаватель убрал руки от клавиш и принялся тереть край футболки, – Не я же решаю. А ваш куратор.

– Но вы могли бы поговорить с ним, – предложила Лера, – Он наверняка поймёт.

– Он меня не слушает, – не поднимая глаз от футболки, возразил Владислав Владиславович, – У нас, видишь ли, небольшие тёрки. Забавное слово, тёрка. Интересно, когда оно начало употребляться в значении...

– Но вы хотя бы попробуйте,– Лера не давала педагогу уйти в размышлениях в сторону от проблемы.

– Да не получится.

– Почему?

– Потому что вот так.– Он улыбнулся и развёл руки в сторону, надеясь, что всё улажено. Однако подруги продолжали бурлить его ожидающими взглядами. И он сдался.– Он меня не слушает, а вступать с ним в спор я не хочу. Не хочу настаивать. Ну, вот видели доску, на которой расписаны все достижения нашего коллектива?– Девочки кивнули. Эта доска всё время находилась в танцзале. На ней висели фотографии с выступлений, дипломы и прочее.– Так вот. Я работаю с этим коллективом уже почти десять лет. И за всё время там ни разу не было моей фотографии.

Подруга Леры опустила взгляд, но сама Лера зубами вцепилась в наивную веру в своего учителя.

– Я всё понимаю. Но ведь для участия в конкурсе не требуется согласие куратора. Нужна группа детей и взрослый сопровождающий-педагог. Мы вполне могли бы выступать и не как представители коллектива. Сами. Почему нет?

– Потому что ваш куратор против,– повторил Орлов.– Я не хочу конфликтовать с ним. Вести группу – это ответственность. А вы – не моя группа.

Последняя фраза прошла как раскалённым ножом по маслу детской души Леры. Но она не позволила себе проявить хоть каплю эмоций. Они попроща-

лись. Орлов остался в танцзале и играл какую-то приторную мелодию.

Подруги не разговаривали, разошлись молча. Только Лера, выходя, громко хлопнула дверью танцкласса, чего ни разу себе не позволяла на протяжении последних трёх лет. По дороге у Леры в чёрной дыре разума звучали только отдельные фразы Орлова: «Не было моей фотографии... не хочу настаивать... не хочу... это ответственность, не хочу... вы – не моя группа».

Лера пришла домой. «Привет, как занятие прошло?»– маме Лера не ответила. Только впиалась ногтями в своё лицо и провела, оставив на лбу и щеке иссиня-красные дорожки. Мама что-то заговорила, подбежала, обняла Леру, усадила на диван. Лера не выдержала. Она зарыдала, не в силах выговорить ни слова. Она захлёбывалась слезами, задыхалась, и никак не могла успокоиться.

Это больно. Лера не знает, почему ей так плохо. Она не хочет помощи, поддержки, ей просто хочется пролежать так на диване вечность. Как она могла довериться такому человеку? Теперь, Лера, пожинай плоды. И вроде бы ничего особенного не случилось. Взрослый мужчина просто не хочет плыть против течения. И всё же, почему так больно?

Через две недели Лера бросила танцы. Ещё через несколько месяцев коллектив покинул и Владислав Владиславович Орлов. Встретятся ли они когда-нибудь? Кто знает.

г. Челябинск, МАОУ «Гимназия № 23», 10 Б класс

